

Встречи с Владимиром Вейсбергом

К 10-летию со дня смерти художника

Владимир Вейсберг.

В январе 1995 года исполнилось 10 лет со дня смерти выдающегося современного художника Владимира Вейсберга. К его 70-летию Третьяковская галерея организовала большую выставку его произведений.

Мир давно признал Вейсберга: его работы есть в музеях США, Швейцарии, Израиля, Германии. Его персональные выставки прошли в Иерусалиме (1975), Тель-Авиве (1979), Париже (1984), Москве (1988). В Бонне с мая по октябрь 1994 г. экспонировалась представительная выставка «Столетие авангарда в Центральной и Восточной Европе», где были представлены три работы Вейсберга.

Не случайно искусствоведы сравнивали Вейсберга с живописцами средневекового Китая. Художника безудержно влекла пространственная бесконечность объекта. Иногда его метод определяли как «белое на белом». Но белое у Вейсберга всегда состоит из тысяч цветовых частиц.

скульпторе Матвееве, Лентулове, Елена Мурина недавно закончила работу о Владимире Вейсберге, с которым ее связывала тесная дружба на протяжении многих лет. Она пишет: «Архитектурой вальсов называл Вейсберг свою живопись — этот сложный синтез, носитель того, что можно назвать памятью искусства. (...) Надо было быть таким феноменом, каким был Вейсберг, чтобы проделывать работу, какая по плечу лишь немногим. Его способность суждений об искусстве, поэзии, литературе, музыке, театре поражала точностью и глубиной. (...) Не могу не вспомнить в этой связи, что Н.Я. Мандельштам склонялась перед силой вейсберговской аргументации. «Он из таких, как Овсяка», — говорила Надежда Яковлевна о Владимире Вейсберге. Вряд ли кто еще удостоивался такого признания».

Перечень живописных работ Вейсберга в каталоге выставки в Третьяковке с 1943-го по 1985 год завершается номе-

ром 702. В скобках помечено: неоконченная работа.

Многие работы Вейсберга теперь далеко от России — в европах и америках, в частных коллекциях зарубежных почитателей творчества мастера. Отныне в Третьяковке тоже будет коллекция работ Вейсберга из 52 произведений. Дождался-таки он своей очереди в галерею бессмертных, а ведь в молодые годы мечтал войти туда и остаться хотя бы одной работой. И к тому у него были все основания: он посещал студии И. Машкова и А. Осмеркина, его ценили мастера старого поколения, в Союз художников его рекомендовали Сарьян и Кончаловский.

Я как-то пришел к Володе на Арбат. Вейсберг был всегда приветлив, доброжелателен, хотя попасть к нему с улицы, без предварительной договоренности было невозможно.

— Знаешь, Володя, — начал я вполне серьезно, стараясь скрыть даже намек на иронию, — ты неправильно называешь свои работы.

Вейсберг слегка опешил:

— Что значит — неправильно?

— А вот, например: как-то Эрнст Неизвестный отлил в бронзе работу. Назвал «Орфей», привез на выставку, на Кузнецкий. Скульптуру отвергли. Кто такой Орфей, почему он играет на струнах своего сердца? На что намекает художник? Примешь этого Орфея и схлопочешь потом партийный выговор. Я сказал Эрнсту: «Давай назовем работу иначе». — «Что ты предлагаешь?» — «Назовем: „Памяти павших на войне поэтов: Кульчицкий, Отрада, Вс. Багрицкий“». Так и назвали. И тот же выставку работу принял...

— Хитро придумали. А ко мне это какое отношение имеет?

— Самое прямое. Ты называешь свои работы: «Кубы и колонны», «Композиция с усеченной пирамидой», «Ритмы», «Кубы и шар». Приходит на выставку инструктор горкома КПСС, потом инструктор ЦК, смотрят и думают: «В стране идет стройка коммунизма, скоро съезд партии,

а этот внутренний диссидент Вейсберг вместо героев новостроек подсовывает нам кубы, колонны, шары, издевается над людьми. Одни доброхоты примут на выставку, другие устроят закупку — так и совет себе гнездо чуждая идеология под боком у Старой площади».

Володя слушал меня крайне внимательно, с явным интересом.

Когда я замолк, он нетерпеливо тронул меня за руку:

— Давай дальше! Очень интересно...

— А что дальше-то? Ты даешь на выставку те же кубы, шары, пирамиды, а называешь совсем по-другому: «Строителям БАМа посвящая», «Домну-600 — срочно!», «Ритмы новостроек». Тогда в их головах происходит некоторая работа. Они думают: художник видит мир по-своему, но он — наш, он активно участвует в нашей жизни, он посылно хочет участвовать в нашей борьбе за коммунизм. Надо его поддержать, может, он вместо кубов начнет писать ударников новостроек!

Тут Володя не выдержал, всплеснул руками, расхохотался:

— Ну, старик, холуем я у них не был и не буду!

... Вот движемся мы вдоль стен, на которых таинственно и отстраненно, словно синий пронзительный свет далекой звезды, мерцают краски Вейсберга. Они светятся изнутри, излучают частицы света, белое на белом оживает, трепещет, загорается все новыми приливами, изображение становится прозрачным, утверждает торжество живописи, чистоту чувств, одухотворенную гармонию.

Часто встречал я Владимира Вейсберга в Музее изящных искусств перед картиной Сезанна «Гора Святой Виктории». Он мог сидеть в зале Сезанна часами. Этого художника он называл первым художником XX века.

Теперь многие, и я в том числе, сожалеют, что не записывали высказываний Вейсберга, часто ошеломлявших неожиданностью сопоставлений. Высоченного роста, крупный, в ковбойке навывпуск,

круглоголовый, с ясными, как горный ручей, глазами, Володя Вейсберг слишком громко для музейных покоев взывал:

— Садись, братик, будем вместе смотреть Сезанна. Ты смотри внимательно на его сложную конструкцию, на его плотный цвет, на то, как он анатомирует действительность, которую видит, и все же сохраняет общее. Вот классик! Какой у него тон! Это моя любимая картина «Сент-Виктуар»! Смотри, как он строит параллельные планы!

Старый и мудрый художник Ефим Ладженский говорил мне о работах Володи Вейсберга:

— Я вижу в его композициях античные города. Его метафоры окутаны неземным светом!

Изо дня в день, всю свою жизнь Владимир Вейсберг занимался своим честным трудом художника. Вне этой работы для него жизнь была бессмысленна. Были и до Вейсберга художники такой же фанатичной одержимости, будут и после.

Как-то к выходу из этого племени фанатиков взывал один преуспевающий банкир: «Дитя, дитя, подумай о будущем! С гением умирают, а с деньгами живут, с ними сытно едят!» Банкира звали Луи Огюст Сезанн, и вспоминают о нем только потому, что его сын Поль Сезанн занял одно из выдающихся мест в мировом искусстве. Не внял совету отца его сын Поль.

Когда у Вейсберга была выставка в Париже, я встретил его в роскошном костюме. Его лицо буквально лучилось.

— Представляешь, старик, в центре Парижа моя выставка, она будет экспонироваться полгода!

И спустя десять лет в Третьяковке выставка Вейсберга напомнила об истинном вкладе этого замечательного мастера в искусство 20-го века. Вклад значительный, своеобразный и все еще по достоинству не оцененный. Его называли «художником для художников». Может быть, в этом есть доля правды. Не каждому доступен язык этого художника. Но ведь еще никто не доказал, что средства искусства должны быть пригодны для ежедневного пользования.

На открытии выставки большинство посетителей составляла молодежь. Для нее метафоричность и интимность Вейсберга — не пустой звук.

ГРИГОРИЙ АНИСИМОВ

Москва